

А.Л.Семенова

«ЗАМЕТКИ О РУССКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ» М.ГОРЬКОГО: В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Анализируется брошюра М.Горького о русском крестьянстве в сопоставлении с теорией эмпириомонизма А.Богданова. Выявляются реминисценции богдановских идей в работе М.Горького. Прослеживается взаимосвязь «Заметок о русском крестьянстве» с «окуровскими» повестями писателя.

Ключевые слова: М.Горький, А.Богданов, «Заметки о русском крестьянстве», повести об Окурове, революция, пролетариат, интеллигенция, народ

Увлеченная творчеством Е.И.Замятина, я пришла в соискатели к Владимиру Васильевичу Мусатову. На одной из лекций профессор рассказывал о творчестве М.Горького 1920-х годов и о его «Заметках о русском крестьянстве». После лекции спросил: «А не хотите заняться этим стариком?» Я задумчиво ответила, что не знаю. Для меня тогда Горький все еще был первым пролетарским писателем, основоположником соцреализма, автором «очень современной книги»...

В Российской национальной библиотеке я при первой же возможности заказала горьковскую брошюру. Мне ее выдали с пометой спецхрана... Она вышла в Берлине в издательстве И.П.Ладыжникова в 1922 году и в советское время более не переиздавалась. Я прочитала ее. Она меня потрясла своей резкостью и прямоотой. Большую часть дороги из библиотеки я прошла пешком, пытаясь понять прочитанное. Понимание пришло с годами. А из Санкт-Петербурга я вернулась с твердым решением — заниматься творчеством «малоизученного» русского писателя М.Горького.

Горьковские «Заметки о русском крестьянстве» адресованы были в послеоктябрьские годы русскому мужику. Однако пафос брошюры очень тесно переплетается с окуровскими повестями писателя, написанными после Первой русской революции. В повестях об уездной России главным героем было мещанство, омещанившиеся провинциальная интеллигенция и чиновничество. Именно мещанство, с точки зрения писателя, оказалось тем сословием, которое не дало возможности реализовать революционный потенциал в условиях Первой русской революции, проявив склонностью к анархии и при этом отстаивая авторитарные методы общественного устройства («Городок Окуров»). Но именно мещанство стало для писателя воплощением русского народа, в нем он попытался найти истоки новой жизни: коллективизм, стремление к творчеству, сочувствие («Жизнь Матвея Кожемякина») [1].

В начале 1920-х годов мещанство как сословие перестало существовать, и в массе своей пополнило ряды пролетариата, к которому у писателя было особое чувство как к организованной и прогрессивной общественной силе. Пролетариату противостояло крестьянство: ценностные ориентиры социального прогресса этим общественным классам виделись кардинально различными. Крестьянство было исторически первое по численности сословие в России. Оно после революции представляло большую общественную силу, поэтому свои размышления о гражданской войне и будущем России Горький адресует именно крестьянству.

Отношения писателя с крестьянством были сложными. Трагический случай в Красновидове, где молодой Алеша Пешков чудом спасся из огня, когда дом подожгли местные мужики. Да и в босяцких своих скитаниях он встречал не радушного и приветливого крестьянина, а замкнутого, жестокого и прижимистого хозяина, живущего по вековым патриархальным обычаям.

Горький понимал, что от настроения крестьянской массы — русского народа — во многом зависит осуществление того социального идеала, к которому стремился сам писатель: гармонично организованный коллектив трудящихся, где каждый имеет возможности для самореализации. Думается, что горьковский социальный идеал во многом совпадал с идеями А.Богданова: философией эмпириомонизма, товарищеского коллективизма, чуждого любым формам авторитарности. Собственное кредо писателя — антропоцентризм — получало научное обоснование, потому основные принципы и терминологию богдановской философской системы писатель активно использовал в творчестве [2].

Советский период жизни и творчества писателя точно охарактеризовала Н.Н.Примочкина: «Разлад с самим собой, чудовищный разрыв между сердечными привязанностями и чувством общественного долга — все это делает его фигуру трагической» [3, с. 11]. Однако несмотря на это, в текстах Горького и в это время прослеживаются идейные константы. В статьях 1920-х годов прослеживаются реминисценции богдановских идей, которыми писатель искренне был увлечен в 1900-е годы.

В публицистических статьях 1920-х годов М.Горький неоднократно возвращается к теме «нового человека», идеал которого теперь ему кажется достижимым. И в этих горьковских размышлениях звучат явные аллюзии на «собираение человека» А.Богданова. Писатель утверждает: «Человек должен быть выше и шире своей работы, тогда его работа будет лучше» [4, с. 315]. Здесь явный перифраз богдановской идеи о преодолении специализации, которая способствует «дроблению человека». «Чтобы в каждой отрасли труда и творчества, несмотря на различие индивидуальностей, была ясно видна и чувствовалась эта дружная, коллективная, единая сила, творящая новый мир» [4, с. 323].

Реминисценция идей А.Богданова прослеживается в публицистической брошюре М.Горького «О русском крестьянстве». «Если в цикле статей 1917—1918 годов «Несвоевременные мысли» он был непримиримо строг к революционерам-большевикам, возлагал в первую очередь на них ответственность за кровавый террор, грабежи, разруху и голод, то в брошюре «О русском крестьянстве» писатель всю вину за эти отвратительные «grimасы» революции перекладывает на крестьянство...» [3, с. 18], — отмечает Н.Н.Примочкина.

В публицистическом тексте 1922 года, действительно, проявилось желание пролетарского писателя постичь истоки жестокости русской революции, при этом не вставая на какую-либо политическую позицию непримиримых врагов: красных или белых. Автор придерживается гуманистического, даже можно сказать — пацифистского взгляда на трагические события в родной стране: «Я спрашивал активных участников гражданской войны: не чувствуют ли они некоторой неловкости, убивая друг друга? Нет, не чувствуют» [5, с. 20].

Один из ключевых тезисов Горького, который он обосновал еще в статье «Две души»: противопоставление западного человека / горожанина / рабочего — «человека деяния» [5, с. 11], — русскому крестьянину / народу — пассивному «страдальцу»: «В русском крестьянине как бы еще не изжит инстинкт кочевника, он смотрит на труд пахаря как на проклятие Божье и болеет «охотой к перемене мест». У него почти отсутствует — во всяком случае, очень слабо развито — боевое желание укрепиться на избранной точке и влиять на окружающую среду в своих интересах, если же он решается на это — его ждет тяжелая и бесплодная борьба. Тех, кто пытается внести в жизнь деревни нечто от себя, новое — деревня встречает недоверием, враждой и быстро выжимает или выбрасывает из своей среды» [5, с. 6-7].

В самом начале статьи писатель утверждает, что «всякий народ — стихия анархическая» (С. 5), а затем определяет русское крестьянство как находящееся «в зоологической естественности анархизма» [5, с. 6]. Идея анархически организованного авторитарного общества — одна из центральных в работах А.Богданова, так как при таком общественном устройстве неизбежный результат — раздробленный человек.

Пересоздание природы, творчество культурных ценностей и цивилизационных благ характерны для человека Запада, для горожанина, для пролетария. Раскрывая эту идею, Горький пользуется терминологией А.Богданова: «Вся земля Европы тесно покрыта грандиозными воплощениями организованной воли людей, — воли, которая поставила себе гордую цель: подчинить стихийные силы природы разумным интересам человека. Земля — в руках человека, и человек действительно владыка ее (курсив мой — А.С.)» [5, с. 11].

Писатель подчеркивает, что «для интеллекта процесс творчества важен сам по себе; интеллект глуп, как солнце, он работает бескорыстно» [5, с. 12].

«Труд горожанина разнообразен, прочен и долговечен, — размышляет Горький. — Из бесформенных глыб мертвой руды он создает машины и аппараты изумительной сложности, одухотворенные его разумом, живые. Он уже подчинил своим высоким целям силы природы, и они служат ему ... Он создал вокруг себя атмосферу разума — «вторую природу»...».

Однако явное расхождение с идеями автора «Эмпириомонизма» можно наблюдать в дальнейшем пассаже писателя: «Он [горожанин — А.С.] всюду видит свою энергию воплощенной в разнообразии механизмов, вещей, в тысячах книг, картин, и всюду запечатлены величавые муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнения и верования, его трепетная душа, в которой неугасимо говорит жажда новых форм, идей, деяний и мучительное стремление вскрыть тайны природы, найти смысл бытия» [5, с. 10].

Любые метания духа, поиски смысла бытия Богданов не принимал и считал, что «проклятые вопросы» — порождением дробления человека, специализации его опыта, так как дуализма сознания — представление о духовном и телесном — обрекает человека на мучительные и бесплодные поиски ответов на очевидные для философа неразрешимые «проклятые вопросы». Богданов считал, что «реальный жизненный базис» этого «господство стихийных общественных отношений над личностью и ее судьбою» [6, с. 87].

По мысли Горького, для западного человека характерна преемственность поколений, и она наделяет человека европейской цивилизации чувством «своей личной значительности как наследника чудес, труда и творчества предков» [5, с. 8], что можно определить в терминологии Богданова, как «собрание человека». Однако далее Горький пишет: «Дух которого «идет в безграничье будущего, куда-то к сердцу космоса или в холодную пустоту вселенной, которую он — может быть — заполнит эманацией своей психофизической энергии, создав — со временем — нечто не доступное представлениям разума сегодня [5, с. 11]. Устремленность в будущее была свойственна и Богданову — автору фантастических произведений: «Красная звезда», «Инженер Мэнни», «Праздник бессмертия», но интерпретация будущего у писателя была совершенно иной: это было художественное воплощение философских умозаключений, иллюстрации к идее эмпириомонизма.

Человек западной цивилизации для Горького — горожанин, и сам город писатель характеризует пафосно и весьма эмоционально: «Город, неугасимый костер требовательной, все исследующей мысли, источник раздражающих, не всегда понятных явлений и событий» [5, с. 44], «мастерская, где непрерывно вырабатываются новые идеи, машины, вещи, назначение которых — облегчить и украсить жизнь народа» [5, с. 45]. Поэтому, по глубокому убеждению автора, горожанин, несмотря на власть государства «остается внутренне свободен, — именно силой этой свободы духа он разрушает изжитые формы жизни и создает новые» [5, с. 10].

Человек западной цивилизации, горожанин, интеллигент, рабочий — эти понятия в тексте размышлений о русском крестьянстве воспринимаются как синонимичные, и они наделяются безусловными положительными коннотациями, потому что это эти социальные группы близки к достижению горьковского идеала: их труд строится на знании, на собирании опыта, на максимальной социализации своей деятельности, которая способствует общественному прогрессу.

Отрицательные и глубоко критические суждения автор адресует русскому крестьянству, подчеркивая «подозрительное и недоверчивое отношение деревни к городу... как сложной организации хитрых людей, которые живут трудом и хлебом деревни, делают множество бесполезных крестьянину вещей, всячески стремятся обмануть его и ловко обманывают» [5, с. 33].

Горький раскрывает различные стороны жизни русского крестьянства, подчеркивает характерные его черты.

Собственничество: «Тяжесть труда, в связи с ничтожеством его результатов, углубляет в крестьянине инстинкт собственности, делая его почти не поддающимся влиянию учений, которые объясняют все грехи людей силой именно этого инстинкта» [5, с. 10].

Пассивность: «Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него, и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему. Нигде вокруг не видно прочных следов труда и творчества», поэтому «человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, вырабатывать из опыта своего идеи!» [5, с. 8-9]. Словами Богданова, не происходит путём труда и познания возвышения индивидуального организованного опыта до организованного социально.

Отсутствие исторической памяти: «Русское крестьянство не знает своих героев, вождей, фанатиков любви, справедливости, мести», — так считает Горький, а потому и нет единства социальной памяти у народа, поэтому писатель приводит цитату иностранца: «У этого народа нет исторической памяти. Он не знает свое прошлое и даже как будто не хочет знать его» [5, с. 14-15].

Социальный индифферентизм: Русское крестьянство, привыкшее жить замкнутым миром собственного хозяйства, лишено чувства социальной солидарности. Писатель отмечает отсутствие сострадания к тем, кто оказался в нужде, отсутствие желания помочь голодающему. Он пишет: «В общем, сытное и полусытное крестьянство относится к трагедии голода спокойно... А в будущее крестьянин смотрит все более уверенно, и в тоне, которым он начинает говорить, чувствуется человек, сознающий себя единственным и действительным хозяином русской земли» [3, с. 39]. Крестьянство оказывается асоциальным, так как «жизнь крестьянства — горе и грубые радости деревни, слепота разума и жестокость чувства» [5, с. 25-26].

Жестокость: Немало примеров чудовищной жестокости приводит Горький в своих размышлениях о гражданской войне и еврейских погромах, при этом он считает, что «русскому народу исключительно... свойственно чувство особенной жестокости, и причины этого явления видит в том, что «на развитие затаенной жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, — любимое чтение грамотеев в глухих деревнях» [5, с. 17-18].

Религиозный индифферентизм: «Существует мнение, что русский крестьянин как-то особенно глубоко религиозен. Я никогда не чувствовал этого, хотя, кажется, достаточно внимательно наблюдал духовную жизнь народа». По мнению писателя, «революция вполне определенно доказала ошибочность убеждения в глубокой религиозности крестьянства в России». С нескрываемым разочарованием, писатель отмечает, что «разрушение глубоко чтимых народом монастырей — древней Киево-Печерской лавры и сыгравшего огромную историческую и религиозную роль Троице-Сергиевского монастыря — не вызвало в крестьянстве ни протестов, ни волнения», «когда провинциальные советы вскрывали «нетленные», высоко чтимые народом мощи, — народ отнесся и к этим актам совершенно равнодушно, с молчаливым, тупым любопытством» [5, с. 28-30].

По мнению Горького, вера сопряжена с поисками ее, с привычкой мыслить, рассуждать, ведь «путь к твердой, глубокой вере лежит через пустыню неверия», — убеждает писатель [5, с. 28].

Нигилизм: религиозный индифферентизм, «слепое недоверие к поискам мысли, к ее работе» или «скептицизм невежества», рождают в народе отрицание существующих форм общественной организации, что, по наблюдениям писателя, наиболее ярко выразилось в жизни сектантов: «В стремлении сектантов обособиться, отойти в сторону от государственной церковной организации мною всегда чувствовалось отрицательное отношение не только к обрядам и — всего меньше — к догматам, а вообще к строю государственной и городской жизни. В этом отрицании я не могу уловить какой-либо оригинальной идеи, признаков творческой мысли, искания новых путей духа. Это просто пассивное и бесплодное отрицание явлений и событий, связей и значений которых мысль, развитая слабо, не может понять» [5, с. 28].

В размышлениях о судьбах крестьянства Горький в начале 1920-х годов неоригинален. Все эти черты, свойственные, по его убеждению, русскому крестьянству, он безжалостно обличал в «окуровских повестях», адресуя их второму по численности сословию России — мещанству.

Принципиально изменилось отношение Горького к интеллигенции. Если в повестях об уездном Окурове, который символизировал всю Россию рубежа XIX—XX веков, интеллигенция рисовалась как «омещанившаяся», и писателю в то время было свойственно проводить параллель между русским мещанством и русской интеллигенцией [7], то в послеоктябрьский период звучит тревога за судьбу интеллигенции, за интеллектуальный потенциал новой России: «Почти весь запас интеллектуальной энергии, накопленной Россией в XIX веке, израсходован революцией, растворился в крестьянской массе. Интеллигент, производитель

духовного хлеба, рабочий, творец механизма городской культуры, постепенно и с быстротой, все возрастающей, поглощается крестьянством, и оно жадно впитывает все полезное ему, что создано за эти четыре года бешеной работы.

Теперь можно с уверенностью сказать, что, ценою гибели интеллигенции и рабочего класса, русское крестьянство ожило» [5, с. 43].

В конце статьи звучат важные для русской публицистики начала XX века мифологемы антропогонии — старый/новый мир, прежний/новый человек: «Крестьянство уже едва ли может возвратиться к старым, в прах и навсегда разбитым формам жизни...; вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень ..., и их заменит новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей».

Однако писатель сдержан в своем оптимизме, считая, что русское крестьянство «на первой поре строительства новой жизни» не готово будет к активной «переоценке ценностей», что социальные пороки его будут преодолеваются долго и болезненно, потому «город ... не скоро заслужит справедливую оценку..., не скоро будет понят им» [5, с. 43-45].

По мнению Н.Н.Примочкиной, «недоверчивое, часто несправедливое отношение к русскому крестьянству составило одну из самых трагических ошибок писателя» [3, с. 19]. С этим сложно не согласиться, но важно подчеркнуть, что в этих заблуждениях писателя была своя логика развития идей: позитивистскому идеалу «собираания человека» (А.Богданов) явно не соответствовал русский крестьянин со своим многовековым укладом жизни, далеким от ценностей городской, западной цивилизации (в расширительном смысле этого понятия), и Горький не мог этого не чувствовать.

«Вот схема моих впечатлений и мыслей о русском народе [5, с. 45], — так заканчивает свои рассуждения Горький. И эта концовка несомненно парадоксальна, ведь начинал он рассуждать о русском крестьянине, а в итоге суду подлежал весь русский народ. Очевидная противоречивость и идейная полифония отличают этот горьковский текст, который был написан с искренним желанием постичь душу русского крестьянства. Размышления о русском национальном характере, о его «двух душах» получили своеобразную интерпретацию в начале 1920-х годов в проекции идей «единства опыта» А.Богданова.

1. Семенова А.Л. «Окуровская Русь» М.Горького. Великий Новгород, 2003. 96 с.
2. Семенова А.Л. Влияние эмпириомонистических идей А.Богданова на М.Горького // Сопряжение идей... Сопряжение смыслов... Великий Новгород, 2015. С. 97-123.
3. Примочкина Н.Н. Писатель и власть. М.Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 302 с.
4. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949—1956. (ИМЛИ). Т. 24.
5. Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. 45 с.
6. Богданов А. Новый мир // Богданов А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 28-89.
7. Горький М. История русской литературы. М., 1939. 340 с.

References

1. Semenova A.L. "Okurovskaya Rus'" M.Gor'kogo ["The story of Okurov" by M.Gorky]. Velikiy Novgorod, 2003. 96 p.
2. Semenova A.L. Vliyaniye ehmpiriomonisticheskikh idey A.Bogdanova na M.Gor'kogo [The impact of A. Bogdanov's empirio-monistic ideas on M. Gorky]. Sopryazheniye idey... Sopryazheniye smyslov... Velikiy Novgorod, 2015, pp. 97-123.
3. Primochkina N.N. Pisatel' i vlast'. M.Gor'kiy v literaturnom dvizhenii 20-kh godov [Writer and power. M. Gorky in the literary movement of the 1920s]. Moscow, 1998. 302 p.
4. Gor'kiy M. Works in 30 vols, vol. 24. Moscow., 1949—1956.
5. Gor'kiy M. O russkom krest'yanstve [Notes on the Russian peasantry]. Berlin, 1922. 45 p.
6. Bogdanov A. Novyy mir [The new world]. Bogdanov A. Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let. Moscow, 1990, pp. 28-89.
7. Gor'kiy M. Istoriya russkoy literatury [History of Russian literature]. Moscow, 1939. 340 p.

Semenova A.L. "Notes on the Russian peasantry" by M.Gorky: in search of a social ideal. In the article, M.Gorky's pamphlet on the Russian peasantry is analyzed in comparison with the theory of empirio-monism of A.Bogdanov. Reminiscences of Bogdanov's ideas are revealed in Gorky's work. The relationship of "Notes on the Russian peasantry" to the "The story of Okurov" stories of the writer is traced.

Keywords: M.Gorky, A.Bogdanov, "Notes on the Russian peasantry", "The story of Okurov", the revolution, the proletariat, the intelligentsia, the people.

Сведения об авторе. А.Л.Семенова — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; alsemenova@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.